

18+

ЛЮБОВЬ ЧЕРЕНКОВА

ЭПОХА

ВЕЛИКОГО ИМПЕРАТОРА

Любовь Черенкова

Эпоха Великого Императора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71970493

ISBN 9785006706194

Аннотация

Постапокалиптическая Земля: четыре города под властью Императора и Великого пророка Мендациана. Вне городов – лагерь повстанцев, несогласных с религиозным режимом. Зоя Тальникова, начальница отдела по борьбе с повстанцами, допрашивает Германа Богатырёва, одного из повстанцев. Встреча рождает внутренний конфликт: преданность Империи против зарождающегося чувства к повстанцу. Что окажется сильнее, и какой выбор сделает Зоя?

Содержание

Игры не по правилам	5
В лагере повстанцев	24
В Гулаграде	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эпоха Великого Императора

Любовь Черенкова

Корректор, редактор Любовь Черенкова

© Любовь Черенкова, 2025

ISBN 978-5-0067-0619-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игры не по правилам

«Ненавижу мужчин! Какие-то они странные. Это раздражает. Как можно жить с ними?» – так думала Зоя Тальникова, работавшая в тайной полиции уже десять лет и к своим тридцати годам дослужившаяся до начальника отдела по борьбе с повстанцами.

Подобного опыта, конечно, не было – впрочем, как и желания. В Супербиаграде семьи вообще редкость. Подруги Зои, которые всё же решались жить с мужчинами, рассказывали всякие жуткости про них: бытовое бескультурье, заикленность на сексе, психологический дискомфорт. И это только цветочки. Для каких целей нужны эти особи мужского пола? Если только для воспроизведения потомства. Но ведь учёные придумали, что не обязательно женщине вынашивать ребёнка целых девять месяцев. Сейчас без проблем его выращивают на детских фермах до определённого времени. Замечательно, без всяких там токсикозов, растяжек и других неудобств. Но мужчина, так или иначе, нужен – пока без него не обойтись. И Зоя надеялась, что учёные решат эту проблему.

И сейчас один из повстанцев сидел напротив Зои за столом. Смахнув со лба надоедливую чёлку, девушка заглянула в его личное дело: Герман Богатырёв, тридцать пять лет, брюнет. Родился в Супербиаграде. В шесть лет после детско-

го сада был распределён к Богатырёвой Варваре Николаевне, актрисе городского театра. После окончания школы связался с повстанцами и ушёл к ним в лагерь, избавившись от чипа.

Да, Зоя знала, что у повстанцев есть возможность каким-то образом, скорее всего, операционным, удалять чип, который вшивается каждому человеку при рождении.

Зоя Тальникова продолжала пристально изучать личное дело Германа Богатырёва, пытаясь понять, что заставляет его и других повстанцев совершать эти беспокойные действия. Для Зои это было непостижимо. Ей всегда казалось, что Супербиаград – идеальное место для жизни. Всё было регламентировано, все удобства, информация и документы хранились в чипе, и не было необходимости тащить с собой кучу бумажных документов. Это было исключительно удобно и безопасно.

Но повстанцы были не в восторге от такого образа жизни. Они стремились к чему-то большему, к свободе и самовыражению. Они отвергали устанавливаемые нормы и правила, и Зоя не могла понять, почему. Почему люди отказываются от достижений современной технологии и обратно возвращаются к каменному веку?

Зою захватывало любопытство. Она хотела понять, насколько глубоко проникли их убеждения и насколько они готовы идти ради них. Ведь в конечном счёте повстанцы были небольшим меньшинством, и они стояли против системы, которая обеспечивала стабильность и благополучие. Они по-

вернулись против города, который им дал всё – семьи, безопасность, комфорт.

Зоя чувствовала, что в таком мире, где все удобства под рукой, люди становились замкнутыми и потеряли способность к аутентичному взаимодействию. Они были подавлены рутинной и утратили чувство приключений. Возможно, повстанцы искали именно это – настоящее чувство жизни, где каждый день был непредсказуемым и полным возможностей.

Но несмотря на своё сомнение, Зоя всегда оставалась верна работе. Её задача заключалась в упорном противодействии повстанцам и сохранении стабильности в обществе. Она не могла себе представить, что жизнь может быть лучше, чем то, что она уже имела.

Германа Богатырёва поймали неделю назад, когда он телепортировался в Супербиаград для подготовки к восстанию. Сообщники, проживающие в городе, при его задержании сразу сдали цель перемещения повстанца. Надо же, ещё совсем недавно такие люди, как Герман, считались совершенными дикарями, ведь проживали вне городов, в заражённых лесах. Правительство ими не особо интересовалось, городские не совались – боялись заразиться. После эпидемии, вызванной пятьдесят лет назад неизвестным вирусом, погибло почти всё население планеты. Осталось лишь четыре города, окружённых непроницаемыми куполами, где и находились выжившие люди. А вне этих центров жизни царили

неизвестность, дикари, мутирующие растения и животные. Эпидемия закончилась, но за пределы городов люди до сих пор опасались выходить.

Герман Богатырёв... Зоя без промедления отдала бы приказ о его казни. Принудительная чипизация – не для таких преступников, как он. Участие в перевороте – дело серьёзное.

Но почему же Зоя до сих пор держит его в тюрьме, докладывая начальнику тайной полиции о каких-то вымышленных сведениях, которые может сообщить Богатырёв?

Зоя не могла понять, почему она не смогла принять решение о казни Германа Богатырёва. Все признаки и улики указывали на его участие в подготовке восстания, но что-то в глубине её сердца заставляло колебаться. Она ощущала нечто большее, чем просто профессиональную ответственность.

С первой встречи, когда они впервые пересеклись в коридоре тюрьмы, Зоя уловила взгляд Богатырёва – глубокий, полный страсти и одновременно таинственности. Он не поддавался панике, не пытался обмануть её и не демонстрировал свою вину. Вместо этого он сохранял спокойствие и достоинство, словно знал что-то, чего не знала она.

Зоя начала проводить допросы, но каждая встреча с Германом только запутывала её мысли ещё больше. Он не отрицал своих попыток взбунтоваться, но его аргументы были убедительны. Он говорил о том, что люди в городах живут

внутри купола лжи и иллюзий, которые лишают их истинного опыта жизни. Он считал, что нужно вернуться к природе и обрести свободу, которую города им не могут дать.

Каждая их встреча пробуждала в Зое некое чувство, что все случайности были неслучайными. Она начала задаваться вопросами и пересматривать свои взгляды на мир. Возможно, всё, что она считала стабильным, было иллюзией, которая давно потеряла свою ценность. Возможно, Герман пытался пробудить в ней истинное чувство жизни, за которым она скрывалась под маской преданности работе.

Тайные доклады, которые Зоя предоставляла начальнику, были всего лишь отговоркой, чтобы продолжить встречи с Германом. Она знала, что в глубине души он говорит правду, и она не могла быть причиной его гибели. Но Тальникова осознавала: времени осталось немного, и ей придётся принять окончательное решение о судьбе этого повстанца. Зоя понимала, что это решение повлечёт за собой непредсказуемые последствия, и она должна будет смириться с его итогами, какими бы они ни были.

– Ещё раз повторяю: где находится основной лагерь, и кто стоит во главе всего? Мы в любом случае рано или поздно узнаем это, но помощь следствию сделает вашу смерть не такой мучительной, – Зоя обязана была сказать именно эти слова, но она абсолютно не хотела казни этого повстанца. Почему?

– Если со мной или без меня вы всё равно узнаете всю информацию – что толку в моих словах? Предателем я не буду, – произнёс Герман, пристально глядя на Тальникову.

Богатырёва притягивали и эти зелёно-карие глаза, и эта родинка у внутреннего уголка левого глаза. Почему его до сих пор держат в тюрьме? Когда ловят повстанцев, то разговор обычно с ними короткий.

– Ботулотоксин, зарин, ризин, батрахотоксин.... Выберите, – деланно спокойным голосом произнесла начальник отдела по борьбе с повстанцами.

И это было, пожалуй, одним из самых лёгких видов казней. В плане вынесения решений тайная полиция отличалась особой изощрённостью, применяя опыт предыдущих поколений и новейшие разработки отдела исполнения наказаний.

– Я полностью доверяю вашему выбору, – грустно улыбнулся Герман. – Уверен, что такая умная и красивая девушка подберёт что-нибудь поинтереснее.

Что означают эти слова? Он и правда считает её умной и красивой или просто издевается? Конечно, второе. А она, как ни странно, впервые начала засыпать с мыслью о мужчине. Абсолютно немислимо! Разумеется, жить одной семьёй с мужчиной или женщиной не запрещалось, но это было явно не для неё. И тут этот Богатырёв.

Зоя не могла отделаться от мысли, что Герман специально играет на её эмоциях. Его слова казались ей каким-то провокационным вызовом, и она не могла не отвечать на него.

Даже дома Зоя думала об этом повстанце. Дольше держать в тюрьме она его не может. Подчинённые, конечно, слушаются безоговорочно: знают её жёсткий и требовательный характер, но начальник тайной полиции, кажется, недоволен. Хорошо, что своей безупречной работой она заслужила его доверие, но это длительное разбирательство с преступником требует ответов, которых пока нет.

Вчера начальник вызвал её к себе и потребовал быстрее заканчивать с Богатырёвым.

– Даю максимум два дня на выяснение важных сведений, которыми, как вы считаете, он владеет.

Итак, у неё совсем нет времени. А делать-то что? Было понятно: Герман ничего не расскажет, а убивать его не хочется. Мелькнула безумная мысль: устроить побег. Но зачем ей это? Да и участь её после такого поступка будет решена мгновенно – казнят без особых разбирательств. Что она скажет в своё оправдание? Ей понравился повстанец? Никто не поверит. Даже она сама. И ладно, если бы он был красавчиком... Конечно, Богатырёв на две головы выше Зои, но его фигуру вряд ли можно назвать идеальной. Он что, ничего не знает о таблетках для похудения, которые все сейчас принимают перед едой? Забыть! Забыть срочно этого мужчину!

Зоя заказала еду домой – в кафе или ресторан идти не хотелось. Перед ужином выпила стандартный набор лекарств: таблетка для похудения и таблетка от психических болез-

ней. Последние несколько лет у всего человечества психика далека от нормы. Страшно даже подумать, что бы произошло, если б учёные не придумали универсальное лекарство. Из мировой истории Тальникова знала, что раньше существовали люди со здоровой психикой. Говорят, что повстанцы из таких... И продукты питания прежде изготавливались не на химических фабриках, а каким-то образом выращивались или производились другим способом. Странно всё это...

Зоя всегда жила в Супербиаграде, хотя после окончания школы всем давали возможность выбрать место жительства. Четыре города – выбор, конечно, невелик. После эпидемии вся планета представляла собой островок жизни из этих городов, а всё остальное – ядовитый океан, хищный лес и безжизненная пустыня.

Люксуриарск? Слишком вольные отношения с мужчиной или женщиной были не для Зои. Аварицианск? К роскошной жизни жителей этого города она оказалась равнодушна. Да ей и здесь неплохо. Гулаград? От этой химической пищи и так вечная изжога, а если такая еда повсюду, причём ещё и красиво оформлена, то будет хотеться есть ещё больше. Каждый город имел свои особенности, которые Зою не прельщали. Вот и оставалась столица – Супербиаград.

Зачастую дети оставались в городе родителей, потому что привыкли. Но Зое не повезло: после детского сада её никто не взял, а потому воспитывалась она в детском доме. В прин-

ципе, больших различий между семьёй и данным казённым учреждением не существовало, потому что ребёнок – скорее прихоть, чем потребность. Тем не менее, в семье выгоднее: персональная комната, личный компьютер (а он необходим: школа полностью дистанционная), еда, игры... Как ни странно, у Тальниковой и в детском доме всё это было. Другие дети завидовали, но любая попытка что-то отобрать или покуситься на её интересы жёстко пресекалась со стороны воспитателей. Завистники говорили, что у Зои есть тайный покровитель.

«Обычные сплетни», – всегда думала она. Однако дорогие подарки на праздники и даже без повода, отдельная комната, компьютер и другие привилегии сложно было не заметить.

А после окончания школы – работа. В столице многие шли в политику или занимались творческой деятельностью. Ни то ни другое не прельщало – пришлось идти в службу охраны. На собеседовании девушку взяли в тайную полицию – отказываться от такого заманчивого предложения было глупо.

Зоя служила усердно – благо, характер соответствовал этому виду деятельности. Неудивительно, что через десять лет её назначили начальником отдела по борьбе с повстанцами.

Девушка переменяла вид за окном, нажав кнопку под подоконником. Теперь можно наслаждаться величественными горными вершинами. Хорошо, что есть такая функция.

Говорят, раньше окна были прозрачными. Какой кошмар! Неужели людям приятно смотреть на огромные бетонные коробки? Живых растений в городе нет – только искусственные, чтобы разбавлять окружающую серость. Да и нельзя ничего сажать – всё ядовитое. А на уроках биологии рассказывали, что раньше существовали огороды, сады – там выращивали растения и даже ели плоды с них. Чудеса! Сейчас всё по-другому: вирус поразил не только людей, но и растения.

На ночь Зоя приняла ещё две обязательных таблетки: снотворное и лекарство, подавляющее интимные желания. Только в Люксуриарске разрешалось не пить последнее средство. И засыпая, Зоя думала о Германе.

– Богатырёв, вы адекватный человек. Объясните своё решение предать Императора, бросить сложившуюся полноценную жизнь гражданина Супербиаграда, стать еретиком, перейдя из менадацианства в какую-то странную веру. Я искренне не понимаю этой глупости! – на следующий день Тальникова, чтобы не терять времени, с самого начала рабочего дня продолжила допрос повстанца.

Герман поймал себя на мысли, что хочет провести рукой по её густым каштановым волосам, украсть из этого искусственного города, показать свой мир, свою веру. Тальникова до сих пор не отправила его на казнь. Почему? Зачем задаёт вопросы, не имеющие прямого отношения к делу? Может, есть искра, которая поможет этой девушке выбрать-

ся из окружавшего её обмана, предательства, заменителей чувств, еды – заменителей жизни?

Богатырёву даже показалось, что он ей нравится как мужчина. Да нет – полный бред. Она – начальник, самодостаточная привлекательная стройная девушка. Он далеко не красавец. Хватит мечтать! Не сегодня завтра ей надоест с ним возиться – и будет отдан приказ о его казни.

Тем не менее, она терпеливо ждёт ответа на свой вопрос. И он решился.

– Мендацианство – ложная религия, выдуманная. Это религия Императора, где всё направлено на укрепление его власти. А я проповедую веру наших предков.

– Вы еретик, – уверенно произнесла Тальникова. – Наш великий пророк Мендациан ввёл вашу религию под запрет из-за абсурдности и ложности, и вам это известно.

– Петь весёленькие песни якобы духовного содержания, устраивать празднества для развлечения и приобщения молодёжи к этой псевдовере, выкрикивать имена Мендациана и Императора, падать перед портретом последнего на колени – это не религия, а сумасшествие, – пытался объяснить Герман. – И службу зачастую ведут самые настоящие черти. Люди даже не замечают их. Если раньше демоны были, как правило, невидимы для обычного человека, то сейчас эта нечисть действует в открытую. Что скрывать? Их никто не боится. Наоборот, с удовольствием сотрудничают.

– Вы не правы, – категорично заявила девушка. – Те, кого

вы называете чертями и бесами – обычные люди, мутировавшие после эпидемии. Нельзя же быть таким максималистом. Вы забыли о толерантности.

– Толерантность? К кому? К бесам? – Богатырёву казалось, что Зоя не понимает или не хочет понять его.

– Раньше вас это не смущало, – ехидно заметила она.

– Скажем так: я был слеп, а теперь прозрел... Вам-то самой комфортно в менадацианстве?

Герман чувствовал, что его слова не доходят до девушки, что она по-прежнему останется пленницей этих лживых догм. Но он не сдавался. Он попытался научить Зою понимать истину, открыть ей глаза на то, что постиг в своём пути просветления.

И тогда, может быть, Зоя всё-таки сможет осознать ценность настоящей веры, которая не приводит к преступлениям и жертвоприношениям, а помогает людям быть добрыми, мудрыми и справедливыми. Может быть, она увидит, что не всегда прогресс и технологическое развитие являются панацеей для всех проблем.

Герман был готов продолжить эту дискуссию, углублять её и предоставить Зое возможность сравнить две стороны аргументов. Быть может, в конце концов, она обретёт понимание настоящей религии, основанной на духовном развитии и принятии традиций предков. Вместе они смогут осознать, что истина может быть выше объяснений и причинно-следственных связей, и что есть нечто большее, чем то, что мо-

жет быть объяснено с помощью логики и научного знания.

Однако Зоя оказалась упрямой. Она уверовала в то, что Император – истинный спаситель, который принёс миру благополучие. Она была уверена, что эпидемия, о существовании которой лишь слухи ходили по городу, была побеждена благодаря правлению Императора и заботе Мендациана. Зоя не хотела видеть и слышать правду. Ей было комфортно в своей вере, в которую она просто вложила свою надежду и силу.

Как же она уже устала от Германа! Слишком много пустой болтовни. А у неё были чёткие инструкции: выяснить, где находится лагерь повстанцев. И вот уже несколько дней у Зои никаких результатов. Уже сегодня необходимо что-то решить, иначе завтра придётся отдать приказ о его казни.

Не осознавая до конца, что она делает, Зоя достала из сейфа телепорт¹ Германа и отдала ему.

– Здесь нет камер и жучков. У вас высококвалифицированные специалисты: мы так и не смогли отследить, откуда вы телепортировались в город. Надеюсь, они и сейчас в состоянии поставить защиту. У вас одна минута.

Богатырёв сначала не понял, что она имеет в виду. Его отпускают? Просто так? Скорее всего, это ловушка. Если он воспользуется предложенной возможностью, то приведёт по-

¹ Небольшое телепортирующее устройство размером с мобильный телефон, при помощи которого совершалось перемещение в любую точку планеты.

лицию прямо в лагерь. Но с другой стороны... Вдруг эта девушка не лжёт? Но с чего бы ей помогать?

– У вас нет времени на раздумья, – совершенно справедливо предупредила Зоя.

Герману показалось, что Тальникова его действительно отпускает. Допустим... Но зачем она идёт на этот безумный шаг?

– Вам не простят. Идёмте со мной, – предложил он.

Зое вдруг сильно захотелось воспользоваться предложением повстанца, но разум возобладал над мимолётным влечением сердца, и она сказала:

– У меня другой путь. Прощайте.

Богатырёв взял телепорт и ввёл необходимые координаты. Как бы он хотел взять эту девушку с собой! И не для того, чтобы не вычислили его перемещение. Просто ему почему-то хотелось продолжить разговор. И не здесь, в следственном кабинете, а сидя с ней вдвоём у костра. Ему казалось, что Зоя со временем поняла бы и приняла его жизнь, его веру, его судьбу.

Отогнав это абсурдное желание, Герман нажал на кнопку и исчез.

Начальник отдела по борьбе с повстанцами даже не стала подносить определитель² к тому месту, с которого произошла телепортация. Предполагаемый ответ начальству Таль-

² Устройство, при помощи которого определяется, куда именно произошла телепортация. Определитель находился у каждого сотрудника тайной полиции.

никова придумала, но он не давал никаких гарантий в том, что её не заподозрят в сговоре. И она не ошиблась.

Уже через полчаса Зоя предстала перед начальником тайной полиции. Кабинет шефа – единственное помещение, в котором определитель был не нужен. Эта комната была оборудована специальной защитой, сюда невозможно телепортироваться, как и отсюда. Говорят, подобный кабинет есть ещё у Императора и пророка Мендациана. Но у Тальниковой, к счастью, не было возможности проверить эти слухи.

– Вы отдаёте отчёт в своём поступке? – уже по первому вопросу шефа, по тону, каким он это произнёс, девушка поняла: скорее всего, её казнят без долгих разбирательств.

– Я виновата только в том, что полагалась исключительно на себя, – начала Зоя. Она пыталась говорить уверенно, но голос всё равно дрогнул.

– Попробуйте объяснить, чего же вы хотели добиться, отпустив повстанца, – потребовал начальник.

– За время допроса Герман Богатырёв так и не раскрыл нам местонахождение главного лагеря повстанцев и имя их предводителя. Я решила пойти на хитрость, отпустив его, чтобы с помощью определителя выяснить, куда он переместится. Но мой прибор оказался неисправен. К сожалению, я выяснила это слишком поздно.

По крайней мере, данный ответ хотя бы похож на правду. Хорошо ещё, удалось вывести из строя свой определитель.

Оставалось надеяться, никто не догадался, что Зоя это сделала специально.

– Да, мы проверили ваше устройство. Оно действительно оказалось испорченным, – тон шефа не менялся, поэтому Зоя не могла предположить дальнейший ход разговора.

Почти минута напряжённого молчания, которая длилась бесконечно. Наконец, начальник тайной полиции произнёс:

– Вы можете идти.

– Куда? – опешила девушка.

Наверное, в тюрьму? У двери её наверняка уже ждут, чтобы сопроводить в камеру.

– Ваш рабочий день ещё не закончился, – ошарашил начальник.

Её отпускают? Ей поверили? В любом случае другого варианта не было, как только вернуться к своим служебным обязанностям.

Зоя ощутила внезапную волну облегчения, когда начальник приказал ей продолжить работу. Внутренне она была готова к тюремному заключению.

Зоя благодарно кивнула начальнику, не рискуя сказать ни слова.

Она вернулась к своему рабочему месту, ощущая огромную тяжесть на плечах. Все сотрудники, которые до этого не обращали на неё внимания, теперь наблюдали за ней с любопытством и недоверием. Она знала, что этот эпизод привлёк к ней ненужное внимание, и она должна будет пройти

сквозь лабиринт подозрений и усмешек.

Зоя сидела за своим столом, пытаясь сконцентрироваться на работе, но мысли всё ещё ворошились в голове. Что же будет с ней теперь? Подвергнут ли её дальнейшему наказанию или всё-таки действительно отпустили без последствий?

Вечером Тальникова впервые не стала пить таблетку, подавляющую интимные желания. Она заснула, представляя себе, как Герман Богатырёв обнимает её.

Зоя проснулась на следующее утро с нервным ощущением в желудке. Всё, что произошло вчера, крутилось в голове, но она знала, что не может себе позволить даже на мгновение раздумывать о своих сомнениях. Её работа требовала абсолютной преданности и безупречной исполнительности.

Заходя в офис, Зоя попыталась скрыть свои эмоции, не желая, чтобы её коллеги продолжали наблюдать за ней.

Это был сложный день работы. Вся атмосфера офиса напоминала Зое, что она под наблюдением. Она старалась сосредоточиться на работе, но мысли о главном лагере повстанцев повсюду преследовали её.

Внезапно Зоя услышала тихий стук по двери своего кабинета. Она увидела начальника, стоящего на пороге. Её сердце замерло от изумления. Всего лишь несколько дней назад он выглядел строгим и неприступным, а сейчас его лицо казалось окутанным таинственностью и сомнениями. Она

не могла понять, что он хотел от неё.

– Зоя, напишите свои отчёты за прошедшие две недели и принесите их мне, – сказал начальник, – я хочу просмотреть вашу работу.

Сердце Зои забилося сильнее. Это была необычная просьба, и она не знала, как на неё реагировать. Она кивнула, поднявшись из-за стола.

Весь день Зоя составляла отчёты. Они были предельно точными и подробными, как и всегда. Но внутри она чувствовала неподдельное беспокойство. Что, если начальник обнаружит её скрытые мотивы и правду о том, что она пыталась провернуть?

Вечером Зоя сдала отчёты и вернулась домой. Она знала, что судьба её карьеры и, возможно, её свободы полностью зависела от решения начальника. Но эта неопределённость была настолько изнурительной, что она не могла просто сидеть и ждать.

На ночь пришлось пить таблетку от бессонницы из-за переполняющих эмоций, а наутро сразу же идти к начальнику тайной полиции. Однако, как оказалось, Зоя не была готова к тому, что последует далее.

Она вошла в кабинет начальника и ощутила озноб. Взгляд его глаз был пронзительным, будто он видел её насквозь.

– Зоя, – произнёс начальник, делая паузу. – Я внимательно изучил ваши отчёты. Они написаны грамотно. Но...

Сердце Зои сжалось.

– Я просмотрел видеокamеры в вашем кабинете. Особенно меня заинтересовал момент исчезновения повстанца.

– Разве в моём кабинете есть камеры? – спросила она, стараясь сохранить спокойствие в голосе.

– Разумеется. Причём, на них не только всё прекрасно видно, но и слышно. Я знаю всё.

Зоя почувствовала, как в кабинете напряжение нарастает. Её руки начали дрожать, но она сдержала себя и взглянула начальнику прямо в глаза.

– Так что теперь? – прошептала она, чувствуя, как её голос дрожит.

– Теперь у вас есть два выбора. Вы можете остаться преданным своей работе и выполнять мои указания, включая шпионаж за Богатырёвым, или мы вынуждены будем принять меры. Вы понимаете, о чём я говорю?

Зоя замедлила дыхание. Её ум притупился от стресса, и всё, чего она хотела, это выбраться из этого кошмара.

– Хорошо, – сказала она, наконец. – Я буду выполнять ваши указания.

Начальник улыбнулся.

– Я всегда знал, что вы превзойдёте мои ожидания, Зоя. Теперь вы часть нашей большой машины, и мы нуждаемся в вашем вкладе.

Зоя отвернулась, чувствуя горечь во рту. Но она знала, что у неё больше нет выбора. Нужно было сразу играть по правилам.

В лагере повстанцев

Телепортация произошла быстро. Впрочем, как и всегда. Телом Герман был уже в лагере, но мыслями оставался в следственном кабинете, с Тальниковой.

Даже несмотря на то, что телепортация была мгновенной, он чувствовал небольшую дезориентацию. Это было так, как будто его разум не сразу присоединился к телу, оставшемуся в следственном кабинете. Он посмотрел на руки, чтобы убедиться, что всё на месте.

Два мира слились в одном моменте, и это сбивало с толку. Герман чувствовал: его мысли всё ещё оставались в кабинете, где он общался с Тальниковой. Он мог отчётливо вспомнить её голос. Его ум ещё налаживал связь со своим прошлым в этом совершенно другом месте.

– Мартиниан, ставь скорей защиту, – это было первое, что произнёс Богатырёв после перемещения.

– Уже сделано, всё в лучшем виде, – заверил юноша лет пятнадцати.

Несмотря на молодость, Мартиниан являлся настоящим компьютерным гением. Да, он особо не общался с людьми, однако с техникой был на «ты». Его считали странноватым, но любили – но вовсе не потому, что он был сыном главы повстанцев Адриана Воронцова.

– Как тебе удалось сбежать? – поинтересовался Адриан

у Германа, как только ему сообщили о телепортации.

На это последовал подробный рассказ о том, что произошло в Супербиаграде.

Предводитель повстанцев слушал очень внимательно, а потом произнёс:

– Неисповедимы пути Господни.

– Мне показалось, что Зоя не такая, как все, – добавил Богатырёв. – Хотя я могу ошибаться.

– Время покажет, – заключил Воронцов.

Люди избрали его лидером за честность, открытость, понимание и порядочность. Одни считали, что в сорок лет ему пора бы уже перестать быть максималистом. Другие как раз за это уважали Адриана и доверяли ему. Но главное – Воронцов был духовным лицом, священником – наверное, единственным, оставшимся на этой планете. Рукополагал его ещё отец Даниил, которого поймала и казнила тайная полиция за проповедование еретической веры.

После рассказа о случившемся в Супербиаграде перед Германом, Адрианом и Мартинианом встала необходимость разработать план действий. Они понимали, что враг не дремлет и следит за каждым их шагом. Будучи частью повстанческого движения, они осознавали, что их существование и цель – нечто гораздо большее, чем просто пережить и выжить в этой постапокалиптической реальности.

Адриан Воронцов знал, что на его плечах лежит ответственность за множество жизней и будущее человечества.

Мартиниан, в свою очередь, был готов использовать свои навыки и знания в области техники во благо повстанцев. Он полностью был предан делу и понимал, что его уникальные способности могут являться решающим фактором в неравной борьбе с врагом.

Все они чувствовали, что настоящий вызов ещё впереди. Необходимо было не только добиться победы в данной битве, но и заложить фундамент для восстановления нормальной жизни в мире.

Они знали, что вокруг них много людей, разочарованных и обездоленных, но всё же надежда на лучшее питала их силы и решимость. С каждым днём ряды повстанцев нарастали, а идеи свободы и справедливости проникали в сердца людей. Битва за будущее началась. И ни один из них не собирался сдаваться, ведь их цель была гораздо важнее, чем собственные жизни.

Лагерь повстанцев располагался очень удобно: примерно в пятистах километрах от столицы и более семистах – от любого другого города. Долететь на аэромобиле, конечно, можно, но далеко. Да и зачем? Уходить из городов было опасно.

Уникальное расположение четырёх городов на отдельных материках, окружённых густыми лесами с опасными хищными зверями и ядовитыми растениями, создавало естественные преграды для покидания населённых пунктов. Авторитарный режим искусственно ограничивал мобильность

граждан, чтобы сохранить над ними власть и контроль.

Атмосфера стала пригодной для дыхания уже давно, что было известно лишь избранным, но для населения города это оставалось неизвестным фактом. Страх и незнание заставляли жителей оставаться в своих городах, живя в бесконечной изоляции от внешнего мира.

Лишь тайная полиция эпизодически отправлялась во внешний мир в защитных шлемах, чтобы не пострадать от ядовитой атмосферы. Эти редкие вылазки были строго контролируемы и известны лишь единицам. Тайная полиция, являющаяся инструментом подавления повстанцев и контроля над населением, строго соблюдала указания Правительства и не рисковала своей жизнью, отдавая предпочтение безопасности и обязательным мерам предосторожности.

Сами мятежники жили в огромной пещере. С одной стороны – ядовитый океан, в котором не только вода отравлена, но и рыбы-мутанты, непригодные для еды. С другой – хищный лес, где каждый куст, дерево или цветок мог быть плотоядным и смертоносным для людей. Так что укрытие было выбрано великолепно.

Внутри пещеры мятежники организовали максимально комфортные условия. Они создали систему вентиляции для искусственного поддержания чистого воздуха, и организовали световое освещение, чтобы сделать пещеру более пригодной для проживания.

У повстанцев были разнообразные специалисты, которые изучали окружающую среду и находили способы выживания в таких неприветливых условиях. Они научились делать ловушки для добычи пищи, создавать противоядия для обезвреживания ядовитых растений и умело маневрировать среди опасных хищников.

– Братья и сёстры! – воодушевлял Воронцов. – Мы выбрали трудный, но праведный путь. Простая дорога всегда ведёт к ложной цели. То, что сейчас происходит в городах – полный упадок, потеря нравственности, морали. Прямое общение с бесами – не это ли признак разложения общества? Я уже молчу о гордыне, алчности, блуде и других грехах. Вам всё самим известно. Именно поэтому мы собрались – устоять сами и помочь в том нуждающимся. Вы знаете, что в каждом городе есть люди, исповедующие веру наших предков и терпящие притеснение от Правительства. Потому что они, как и мы, не согласны с существующим тоталитарным режимом Императора. Правительство считает, что мы готовим восстание. Но наша главная задача – хранить веру и распространять среди людей истину.

Казалось, люди внимают слову лидера, но о чём они думали на самом деле – вопрос вопросов...

– Нас немного, – продолжал священник. – Однако с Божьей помощью, я верю, у нас всё получится. Примером тому служит наш лагерь, наше убежище. Бесы сейчас везде,

но только тут мы можем быть в безопасности хотя бы от их видимого присутствия. Потому что у нас есть оружие – пост и молитва.

Позже отец Адриан отдельно собрал группу особо приближённых соратников из четырёх человек, которым планировал поручить определённую задачу.

– Каждого из вас я отправляю в город, чтобы проповедовать, распространять наши взгляды единомышленникам и тем людям, которые задумываются над тщетностью своей нынешней жизни. Но есть ещё одна цель – найти книгу с изложением веры наших предков в печатном варианте.

– Но печатных книг не существует, – басом произнёс грузный мужчина лет сорока. – Все они остались в далёком прошлом.

– Филипп, это ложь, которой с детства учат людей, – возразил предводитель повстанцев. – Неправда, впрочем, как и многое другое.... Но сейчас не об этом. Мне ещё отец Даниил поведал: одна книга сохранилась – именно та, которая нам нужна. Где? Вот вопрос, ответ на который необходимо найти.

– Насколько мне известно, такая книга есть в электронном формате, – подал голос полноватый мужчина лет сорока со светлыми волосами.

– Тимофей, – обратился к нему Воронцов. – Та книга, о которой ты сейчас говоришь, по содержанию далека от той, которую мы ищем. Она полностью изменена Мендацианом

под свою религию. В ней наша вера представлена таким образом, что действительно кажется ложной. Всё для укрепления власти Императора.

Задача была практически невыполнима. Как найти то, что, возможно, не существует? С другой стороны, священник никогда не лгал. Если он говорит, что книга есть – значит, так оно на самом деле.

– Каждый из вас телепортируется в город, – продолжал Адриан. – Тимофей – в Люксуриарск, Филипп – в Аварицианск, Руслан отправится в Гулаград, а Герман – в Супербиаград.

Богатырёва охватило ощущение тревоги. Он знал, что задание, которое они получили от отца Адриана, несло в себе огромные риски. Они должны были не только распространить свои взгляды и найти драгоценную книгу веры, но и сохранить в процессе свою жизнь, ведь Император и его последователи никогда не оставались в стороне, когда дело касалось распространения альтернативных убеждений и попыток вернуться к корням.

«Почему его отправили в столицу – туда, где Зоя?» – как иглой пронзила эта мысль Богатырёва.

Но ведь он может её и не увидеть. Да, скорее всего, так и произойдёт. Если только его опять не поймают. Но как только схватят, сразу казнят, ведь все уверены, что он готовит какое-то восстание против Императора. Повторно допрашивать не будут. Значит, вероятность увидеть Тальнико-

ву ничтожно мала.

Герман сидел перед костром и думал о девушке. Смогла бы она вот так, как сейчас супруга главы повстанцев Анна или её подруга Евдокия, или как другие женщины поселения готовить, убираться, заниматься другими домашними делами? Ведь в городах такой надобности нет. Еду и одежду привозят по заказу или покупают в магазине, квартиру убирают роботы.

Богатырёв представил Зою на месте Евдокии, которая в данный момент что-то готовила на ужин. И улыбнулся. Нет, Тальникова не такая. Это одновременно и притягивало, и отталкивало. Однако то, что он хочет её видеть рядом с собой – факт.

* * *

А Зоя тем временем думала о Германе, но только лёжа в своей постели. Это было так странно – мечтать с вождением о мужчине. И совсем не противно. Она даже согласна жить вместе. Хотя, нет – это уже перебор. Дети, муж, любовь-морковь – всё это не про неё. Проворочавшись около часа без привычных таблеток, девушка всё же заснула.

Спала плохо: то просыпалась, то опять засыпала. Сновидения были тревожные, но Зоя их не запомнила. Только по ощущениям – беспокойство. Глянула на часы – уже четвёртый час, а выспаться так и не получилось. Вставать

не хотелось. В голову лезли всякие мысли: о Германе, побе-
ге, начальнике, завтрашней работе – хотя, судя по времени,
уже сегодняшней. Поступила разнарядка: более пристальное
внимание уделить «подозрительным лицам». Это явно име-
лись в виду еретики, отступившие от мендацианства. Они
наверняка помогают повстанцам готовить восстание против
Императора. Однако прямых улик не было, поэтому приходи-
лось лишь осуществлять внимательное наблюдение.

А потом Зоя увидела его: дверь в комнату открылась, и во-
шёл незнакомый мужчина в облачении служителей культа
мендацианства. Тальниковой не удалось разглядеть его ли-
ца, она запомнила только, что он был неестественно худой,
с тёмными короткими волосами. Мужчина ничего не ска-
зал – только подошёл к Зое и лёг сверху.

Девушка проснулась. Что это было? Сон? Казалось, всё
действительно происходило, как во сне. Но что-то ей подска-
зывало: неожиданное посещение незнакомой мужчины бы-
ло реальностью. Может, бесы из параллельного мира? Сей-
час не редкость их видимое появление. Зоя, конечно, не раз
их встречала в городе, в храме на службе, но чтобы дома...
Тальникова не испугалась, но сама ситуация вызывала мно-
го вопросов. И самый первый: к чему это? Возник один от-
вет: ещё никогда она не думала о мужчине с вожделием.
Но разве есть связь между такими мыслями и посещением
бесов? Вряд ли... Да и зачем вообще об этом думать? Мо-

жет, снова принимать таблетки, подавляющие интимные желания? Или, наоборот, отказаться от всех таблеток, как постанцы? Живут же – и ничего.

От этой дикой мысли девушка буквально подскочила с кровати. Включила свет. Сердце бешено колотилось. Если о таких мыслях узнает начальство, да хоть кто-нибудь, то сразу же поступит донесение в тайную полицию, и её моментально казнят.

Нет, нужно убедить себя, что ей всё привиделось, и жить, как прежде.

Зоя вздохнула, пытаясь успокоить свои возбуждённые мысли. Всё это, наверное, было результатом измученного ночного сна. Но почему она так сильно беспокоится? Чувство опасности охватывало её, заставляя постоянно оглядываться, быть настороже. Быть может, просто паника после всех жутких новостей, что кругом только измена и заговоры?

Она подошла к окну и взглянула на улицу. Всё было в порядке, обычный рабочий день начинался, ничего сверхъестественного не происходило. Зоя, всё ещё ошеломлённая возникающими мыслями, решила взять себя в руки. Она не могла позволить, чтобы страх и подозрения взяли верх над её разумом.

Однако, несмотря на своё решение, Зоя не могла отделаться от ощущения, что она под наблюдением. Словно невидимый глаз следил за каждым её движением. Она задумалась: когда же это закончится, когда она сможет нормально спать

и наслаждаться жизнью, не испытывая беспокойства и страха.

Затем Зоя вспомнила о визите незнакомого мужчины. Какой странный сон. Но почему, спрашивается, он ложился на неё? Наверное, из-за мыслей о Богатырёве. Однако внезапное посещение, его страшное бесцветное лицо – всё это не могло быть просто сном.

* * *

– Интересно, как же ты умудрился выбраться из лап тайной полиции? – к Герману подошёл высокий широкоплечий мужчина лет сорока пяти, довольно миловидный, с густыми светлыми волосами. Голос у него был приятный и крепкий.

– С Божьей помощью, Аркадий, – спокойным тоном ответил Богатырёв.

– А, может, с чьей-то другой? – язвительно предположил мужчина.

По его манере разговаривать было видно: он очень уверен в себе и привык, что к его словам прислушиваются.

– Думай как хочешь, – невозмутимо произнёс Герман, не желая рассказывать историю с начальницей отдела по борьбе с повстанцами.

К ним начал потихонечку подтягиваться народ.

– Вы же понимаете, что долго так не протянем, – продол-

жал вещать Аркадий. – Рано или поздно тайная полиция нас схватит и казнит. Тогда ради чего всё это? Духовная революция, предлагаемая Адрианом – это утопия. Ради чего мы терпим столько лишений? Не проще ли принять условия Императора и жить в городах, не опасаясь преследований? К тому же, эти условия не такие уж неприемлемые. Ну, сходить раз в день на менадацианскую службу – что в этом такого? Это же для галочки. А по-настоящему можем верить в кого угодно – и слова никто не скажет.

Мужчина знал, что его взгляды поддерживают многие, поэтому и держался так уверенно. Среди повстанцев уже давно начались разговоры о том, что главное – верить в душе, а всякие посты и молитва – дело второстепенное. Можно, конечно, и прочесть парочку молитв, если будет время. Но ведь жизнь идёт. Да и о детях нужно подумать: каково им в пещере между ядовитым океаном и хищным лесом, в постоянном страхе за жизнь?

– Да-да, всё верно, – раздалось перешёптывание в рядах повстанцев. – Они там жируют на всём готовом, а мы недоедаем, постоянно преследуемы... Мельников дело говорит.

– И вы ещё называете себя истинно верующими? – воскликнул глава повстанцев, услышав разговоры возле костра. – Люди, которые слушают Слово Божие, противостоят религии лжи и обмана, они должны твёрдо стоять в своей вере и не идти ни на какие компромиссы с бесами. Если не молиться и не соблюдать посты, не собираться вместе на служ-

бу, а верить, как сказал Аркадий, только в душе, то это будет вера в дьявола. Не бывает чего-то среднего: мы или с Богом, или против Него.

Ропот повстанцев прекратился: все внимательно слушали отца Адриана. Его слова придавали сил в моменты уныния и отчаяния. Но всё чаще стало проявляться негодование народа, а потому данное молчание можно было расценивать и следующим образом: «Ты говори, говори. А уж что мы думаем и будем делать – наше личное дело».

– Братья и сёстры! – продолжал Воронцов. – Наш Бог не умер, как пытается утверждать Мендациан и его приспешники. Он всегда с нами. Мы же, в свою очередь, должны соблюдать данные нам заповеди. Жить по совести – кто же спорит? Но не следует забывать, что наша вера зиждется, в первую очередь, на догматах, которые следует знать и выполнять. Кто путает местами нормы морали и догматику, неминуемо встаёт на ложный путь, который приведёт прямо к бесам. Этого ли вы хотите, соглашаясь с доводами Аркадия Мельникова?

Опять тишина. Последнее время Адриан начал замечать этот раскол и предчувствовал грядущую катастрофу. Но, как истинный наставник, из последних сил пытался вразумить народ.

День подходил к концу, и люди стали потихонечку расходиться – впереди ужин и спокойный сон. Все знали, что в этой пещере безопасно. По крайней мере, до сих пор тай-

ная полиция не нашла это убежище.

Вот и незамысловатый ужин был съеден: всё-таки хорошо, что отец Адриан не просто глава повстанцев, но ещё и священник. Каким-то образом ему удаётся ядовитую воду из океана и дары леса делать съедобными. С Божьей помощью, конечно. Ну и учёные не подкачали.

А завтра – обычные будни. Но для некоторых повстанцев следующий день будет ознаменован решением непростых задач: телепортироваться в город, встретиться с людьми, втайне поддерживающими их идеи, и по возможности узнать информацию о книге, про которую говорил Воронцов.

Сам Адриан очень переживал за предстоящую операцию. В первую очередь потому, что заметил влияние крамольных взглядов Мельникова на Филиппа, который должен отправиться в Аварицианск. Да, непростой город. Устоит ли Филипп? С другой стороны, где сейчас легко? И, главное, кому? Ну, ничего.... С Божьей помощью.

* * *

– Рад приветствовать дорогих гостей на нашем совещании, – провозгласил Император, сидя за длинным столом на тридцать персон.

Как раз именно столько человек здесь и находилось: всевозможные министры, начальники ведомств, в том числе и тайной полиции. Но отдельно следует остановиться на «до-

рогих гостях», которым был так рад Император Мира.

Их было около десяти, и на обычных людей они походили с огромным трудом. Одни внешне действительно напоминали человека, но в глазах имелось нечто такое, отчего бросало в дрожь. Другие и на вид отличались: у кого-то был хвост, у кого-то – небольшие рожки.

Бесы давно перестали быть чем-то невиданным – с ними сотрудничали в открытую. Вот и сейчас они присутствовали на совещании, посвящённом различным вопросам Империи.

– В первую очередь нас всех интересует вопрос, связанный с повстанцами, – Император в свои пятьдесят пять лет выглядел гораздо моложе: не одного седого волоса, на обманчиво равнодушном лице – только мимические морщины, особо заметные около властных мутных глаз. Да, на вид ему можно было дать не больше сорока пяти.

– Не секрет, – продолжал Повелитель Мира, что некоторые из бунтовщиков готовы идти на сделку и принять наши условия. А наиболее сознательные даже желают нам помочь в поиске преступников-еретиков. Так, начальнику тайной полиции стали известны сведения о готовящемся собрании повстанцев в Аварицианске и Люксуриарске. Не исключено, что и в остальных городах произойдут сборища мятежников. Разумеется, виновные будут разоблачены и наказаны.

Некоторые из присутствующих покивали в знак согласия. Бесы, будем называть вещи своими именами, казалось, никак не реагировали на слова Императора. Откровенно гово-

ря, по их внешнему виду и действиям вообще было сложно сказать, что они думают на самом деле.

– На сегодняшней повестке дня нам необходимо рассмотреть основные политические и идеологические проекты, связанные с повстанцами-возвращенцами, – заявил Император. – На предварительном совещании мы обсуждали все пункты – сейчас следует только проголосовать.

Все понимали, что данное собрание носило формальный характер. Требования Императора выполнялись неукоснительно, и никакие возражения и обсуждения не принимались в расчёт.

По распоряжению Правителя слово взял первый заместитель, он же – начальник тайной полиции:

– Итак, первым пунктом проекта является коалиция менадциан и повстанцев-возвращенцев – тех, кто готов принять наши законы – против преступников. Это объединение поможет найти и обезвредить бунтовщиков в короткие сроки. Второй пункт: подтверждение исключительной роли Императора в решении всех вопросов поддержания сильной и крепкой Империи. В-третьих: непрерывное подогревание в глазах общества опасности, исходящей от повстанцев-еретиков. В-четвёртых: усиление недоверия между повстанцами-возвращенцами и повстанцами-еретиками, поощрение соперничества и вражды между ними. И, наконец, пятый пункт: толерантность к повстанцам-возвращенцам.

– Не слишком ли снисходительно наш Император отно-

сится к возвращенцам? – отозвался один из министров, – всё-таки они отступники веры, на которой зиждется наша Империя.

– Я не сторонник жёстких мер, – лукаво ответил Император. Все знали, какими средствами он расправляется с неудобными ему людьми. – В данной ситуации мы пойдём другим путём. А именно: через систему образования. Я поручил этому ведомству разработать программу, которая будет соответствовать нашим идеологическим проектам. Учителя воспитают в ребёнке ненависть к еретикам и приверженность идеалам Империи.

Голосование по всем пунктам было единогласным, что и следовало ожидать.

Все разошлись. Император остался наедине с начальником тайной полиции.

– Глаз с неё не своди, – предупредил Повелитель.

– Мне известны все её передвижения, – ответил мужчина.

– Этого мало. Мне нужно знать её мысли.

– К сожалению, это пока невозможно, – начальник тайной полиции покачал головой. – Но в поступках есть отголоски характера её матери, я вам докладывал.

– Да, я помню, – стальным голосом, но как-то отрешённо произнёс Император. – Можешь идти.

Повелитель Мира остался один. Тревога – вечный спутник его жизни.

Он встал и подошёл к окну, глядя на великолепие своей

Империи. Занятые люди внизу, обычные граждане, не знали о том, что за дверями кабинета Императора рождались и разрабатывались планы, направленные на подавление и покорение. В глазах общества он был идеальным правителем.

Но чего-то всё равно не хватало. Он жаждал полного контроля и понимания всего, что происходило в его Империи. Он хотел знать мысли людей и видеть застывшие эмоции их сердец. Ведь только так он смог бы заметить возможные угрозы и обезопасить свою Империю.

Интриги и заговоры, разделение на верных и предателей – всё это было его жизнью.

Та женщина была одной из них, из еретиков-отступников. Её необходимо было уничтожить. Возможно, когда он сотрёт с лица земли всех бунтовщиков, тогда беспокойство прекратится? Но одна мысль постоянно терзала Великого Императора: он зачем-то оставил в живых дочь той женщины. Зачем? Скорее всего, это было его единственной ошибкой. Но ведь её никогда не поздно исправить...

В Гулаграде

На следующий день Тимофей, Руслан, Филипп и Герман через телепортирующее устройство переместились в запланированные для каждого из них города.

Руслан уже бывал в Гулаграде с подобной миссией, и прежде всё проходило без осложнений. Может, и в этот раз повезёт...

Место телепортации было выбрано заранее – семья, втайне поддерживающая идеи повстанцев, но так и не решившая покинуть город. Глава семейства, Геннадий Феофанов, работал шеф-поваром в главном ресторане Гулаграда. Этот ресторан славился тем, что там готовили еду исключительно для членов Правительства. Именно там ещё бывали настоящие продукты, как и у повстанцев, в то время как обычные граждане давно питались веществами из различных химических смесей.

В Гулаграде не было никакой растительности – одни здания. Но это присуще и всем остальным городам. Данное ненужное излишество успешно заменялось искусственными цветами и деревьями, расположенными в специально отведённых местах. Очень удобно: не грозит аллергия от пыльцы, а если вздумается насладиться ароматом какого-либо цветка, нужно всего лишь нажать кнопку рядом с ним. Всё автоматизировано и усовершенствовано, всё для людей.

Сам город, если исключить подобные парки, представлял собой серую массу двадцатиэтажных домов с барами, кафе, ресторанами, столовыми и другими точками общепита.

Вся еда, как уже упоминалось, была химическая. Её изготавливали при помощи смешивания различных синтетических добавок. Перед приёмом такой пищи всегда рекомендовалось принять специальную таблетку – последствия отказа от лекарств могут быть плачевными. Хорошо, если просто изжога или желудочные болезни, а то ведь и до летального исхода может дойти. Без таблеток никуда.

Ещё нужны лекарства, чтобы не толстеть. Город специфический: здесь, как нигде, перекусить можно на каждом ходу, что люди и делали с преогромным удовольствием. Из-за культа еды даже обеды увеличивали, и на работе «под рукой» всегда имелся какой-нибудь бутерброд – везде стояли аппараты с едой и напитками.

Приём пищи в этом городе – не просто жизненная необходимость, а безмерное удовольствие, превосходящее все остальные. Именно поэтому люди, которые особо любили покушать, селились в Гулаграде.

Говорят, раньше было много полных людей. Но сейчас с этим проблем нет: главное – выпить перед едой нужную таблетку.

У каждого жителя абсолютно любого города имелась специальная таблетница, где распределялись все лекарства: от синтетической пищи, для похудения, от оргазма –

эта ненужная роскошь строго контролировалась Империей и разрешалась лишь в Люксуриарске, от психических болезней – это являлось эпидемией городов, пока учёные не придумали лечение, а также и другие по необходимости.

Жители Гулаграда привыкли к своему специфическому образу жизни и не видели в нём ничего необычного. Им хватало искусственных ароматов вместо свежих цветов, а химическая пища стала их повседневной нормой. Империя строго контролировала и регулировала эту систему, предоставляя городу всё необходимое для производства и потребления искусственных продуктов.

В целом Гулаград является воплощением синтетической культуры потребления и удовлетворения физических потребностей. Этот город стал символом всеобъемлющего контроля над человеческим организмом и неразрывной связи между человеком и технологией. Он отражал дух времени, где практичность и комфорт являлись приоритетами.

Немудрено, что с таким количеством химозной пищи в этом городе, работа всех жителей так или иначе была связана с производством еды, как для Гулаграда, так и для других городов.

Работа же Геннадия – это, скорее, исключение для подозрительных в плане приверженности идеям Империи граждан. Однако кулинарные способности Феофанова были настолько велики, что «сильные мира сего» пока закрывали глаза на его симпатии к повстанцам. По крайней мере, пря-

мых доказательств связи Геннадия с этими людьми не было, а так великолепно готовить настоящую еду, о которой почти все забыли, никто не умел.

Геннадий Феофанов был одним из немногих жителей Гулагада, кто продолжал варить настоящую пищу, несмотря на строгое контролирующее и регулирующее влияние Империи. Его уникальные кулинарные способности и знание традиционных рецептов привлекали внимание не только горожан, но и посетителей из других городов. Вкусы и ароматы, которые он воплощал в своих блюдах, заставляли людей забывать о бездушной искусственности, окружающей их повседневную жизнь.

Семья у шеф-повара была небольшая: он, жена Агафия и сын Глеб десяти лет. Мальчик, разумеется, приёмный, как и все дети Империи. Своих иметь не разрешалось – за этим следили, и нарушение запрета строго каралось. Но именно в семье Геннадия и Агафии данный закон был как нельзя кстати: супруги не могли иметь детей, поэтому с большой радостью взяли ребёнка на воспитание. Огорчало одно: дети Империи, выращенные на фермах, отдавались сначала в детский сад, где с малых лет им навязывались идеалы и правила Империи. Геннадий же со своей женой хотели попытаться привить Глебу то, во что они верили сами. К сожалению, заложенное в младенчестве очень сложно поддаётся перевоспитанию, а растить ребёнка с младенчества – нельзя. Однако супруги не сдавались. Конечно, Глеб, как и все дети, всё

свободное время проводил возле компьютера: в первую половину дня этого требовало дистанционное обучение в школе, во вторую – игры с друзьями.

Тем не менее, родители старались внушить ему ценности, которые были противоположны идеалам Империи. Они рассказывали ему о важности свободы мысли, о необходимости сохранять в себе частичку души, не примирившись с массовой манипуляцией. Они верили, что одна честная и творческая душа может изменить всю систему.

Хотя Глеб не всегда полностью понимал всё, что говорили ему Геннадий и Агафия, он чувствовал, что в их словах есть смысл. Он видел страдания и несправедливость вокруг себя, он ощущал невидимые оковы, которые препятствовали росту его души. И ему не хотелось подчиняться этим оковам.

Несмотря на свои успехи в кулинарии, Геннадий по-прежнему оставался подозрительным человеком для властей. Он знал, что в любой момент его могут поймать и лишиться свободы. Но он не боялся. Он был готов стоять на защите своих идеалов и бороться за свою семью.

С семьёй Феофановых всё было оговорено заранее. К телепортации Руслана подготовились.

В назначенное время Геннадий выключил камеру слежения. Установка подобных камер была обязательным требованием, ведь все уже привыкли жить под контролем Прави-

тельства. Конечно, постоянного наблюдения не осуществлялось, но в любой момент специальные люди могли подключиться к видеокамере любой квартиры и посмотреть, что там происходит.

Поэтому во избежание проблем глава семейства Феофановых перестраховался, отключив устройство. Это могло грозить большими проблемами, если в самый неподходящий момент решат понаблюдать за его квартирой, но ради благого дела шеф-повар готов был пойти на этот риск.

– Рад видеть тебя в своём доме, – обратился Геннадий к Руслану, когда тот телепортировался в его квартиру.

Было утро, а потому шеф-повар с супругой собирались на работу – Агафия работала вместе с мужем, помогая на общей кухне. Глеб в это время уже сидел за компьютером.

– Через пять минут будут показывать Императора, – предупредил Геннадий. – Все устройства я отключил, кроме компьютера сына: не могу подвергнуть Глеба опасности.

Была ещё одна особенность не только Гулагада, но и вообще всех городов. Дело в том, что в определённое время, утром и вечером, по телевизору, мобильным телефонам и компьютерам показывали Императора. И все граждане должны были при этом обязательно ему поклониться. Данный ритуал неукоснительно соблюдался, как и молитвенные собрания перед работой и после неё.

За этим строго следили, поэтому в квартире Феофанов ка-

меру наблюдения отключил, но в комнате сына побоялся. Он и Агафия, разумеется, не соблюдали данное указание: пока мужчину не трогали из-за того, что нельзя было найти ему замену в ресторане, но с сыном бы церемониться не стали. Неуважение к Императору – серьёзный проступок.

После трансляции Императора Геннадий scomандовал:

– Глеб, быстро в молельный дом с нами! Ещё не хватало с этой стороны проблем. Достаточно нам отключённых камер.

Молельные дома находились в каждом дворе. Службы были недолгими, но обязательными.

Так как семья Феофановых проживала в городе, то у каждого члена семьи имелся вшитый чип. При входе в молельный дом необходимо было рукой с чипом приложиться к считывающему устройству. Таким образом велась статистика посещений. Если по каким-либо причинам имелись пропуски, то выясняли, почему это произошло. Если объяснения ничем не подтверждались, следовало строгое наказание – заключение в тюрьму.

Феофановы присутствовали на этих менадацианских службах, но мыслями были далеки от всего происходящего. Всё равно это было неправильно: их существо стремилось убежать от бесполезных навязанных сборищ, но пока они не могли ничего изменить. К варианту уйти жить к повстанцам за город Геннадий и Агафия морально были не готовы. Да и для самих мятежников их квартира являлась един-

ственным проверенным местом для телепортации.

Геннадий и Агафия были напряжены до предела. Они понимали, что время работает против них. Каждый день, каждый час проводимые в этом городе, только увеличивали их риск быть обнаруженными. Они знали, что нарушение ритуалов и неповиновение Императору могло привести к катастрофическим последствиям. Но они не могли просто смириться и жить в этом фальшивом мире.

Однако они не были ещё готовы принять окончательное решение. Страх перед неизвестностью и возможными последствиями останавливал их. Они знали, что если их попытка перейти жить к повстанцам провалится, то режим реагировал на такие акты суровым заключением в тюрьму.

Таким образом, несмотря на всё их недовольство и желание изменить свою ситуацию, Феофановы были заложниками собственной ситуации.

Заранее было решено, что Феофановы пойдут на службу, а Руслан пока отправится в ресторан. Именно там должно произойти собрание.

Помещение оборудовали как место для хранения продуктов. Конечно, много народа там не разместить – человек десять. Но даже это количество являлось победой для тех, кто не поддался ложной религии Империи. Эти десять человек были недовольны сложившимся режимом, что-то их не устраивало. Они чувствовали ложь и стремились найти

луч света, смысл существования. Зная, что у повстанцев есть другая истина, они искали встречи с ними в надежде найти ответы на свои вопросы.

Людей перед собранием тщательно проверяли, чтобы исключить возможность предательства. Полной гарантии дать никто не мог, но пока всё обходилось без осложнений. Все они продолжали рисковать, сталкиваясь с неизвестностью, но желание изменить свою ситуацию и найти истину продолжало безостановочно двигать их вперёд.

До ресторана Руслан дошёл за двадцать минут. Но что это были за минуты!

С утра мужчина ничего не ел, чтобы плоть не властвовала над душой. Пост как средство избежать искушений – именно это посоветовал отец Адриан тем, кто отправился сегодня в города.

Руслан шёл, а вокруг раздавались призывные возгласы торговцев уличной еды. Вид пищи притягивал, а запах вызывал нестерпимое желание поесть. Мужчина старался не смотреть по сторонам, но куда деться от притягательных ароматов? Конечно, он знал, что все эти вкусности не натуральные, но желудок предательски бурчал, напоминая о необходимом приёме пищи.

«Хорошо, что у меня нет с собой денег», – подумал повстанец.

Но тут, как назло, раздался приятный женский голос:

– Мужчина, попробуйте новинки нашей компании бесплатно!

Руслан поднял голову. На него из-за лотка смотрела, улыбаясь, девушка и предлагала попробовать всякие вкусности. Чего там только не было: маленькими привлекательными порциями лежали канапе с креветками, с сёмгой и сыром, с ветчиной, сельдью, с жареным мясом, тарталетки с курицей и грибами, жульен в тарталетках и множество другой еды.

Понять, где тут новинки, было сложно. Может, нахимичили с ароматизаторами. Тем не менее, выглядело и пахло всё сногсшибательно. Сглотнув слюну, повстанец-проповедник ускорил шаг и уже через пять минут был в ресторане.

Геннадий ещё не пришёл. Что делать? Если просто стоять и ждать, это вызовет подозрение. Но Руслану повезло: буквально через минуту-другую он увидел Феофановых.

Никаких охранников у двери не было, потому что посторонние и так сюда не ходили – цены для простых горожан недоступные. К тому же, заходить с парадного входа и не требовалось: под видом помощника, а в особо загруженные дни шеф-повару разрешалось их нанимать, Руслан зашёл с Геннадием в другую дверь.

Шеф-повар отправил проповедника на сортировку овощей в тайную комнату, где уже находилось восемь человек. Сюда они проникли с помощью телепортации. Вариант же перемещать таким же образом Руслана не рассматривался, потому что телепортацию из города засекли бы мгновенно.

Тайная комната оказалась маленькой и тёмной. Бледный свет проникал лишь из небольших окон, укрытых специальной защитой от посторонних глаз. Руслан смотрел на своих соратников – все они были настроены серьёзно и готовы к действию. При виде знакомых лиц немного скованная улыбка появилась на губах Руслана. Он чувствовал себя с ними в безопасности и готовился к своей роли.

– Мы с вами здесь, чтобы противостоять ложной идеологии Императора, Мендациана и иже с ними, – заявил мужчина собравшимся. – Нельзя опускать руки со словами «Будь что будет», тем самым подчиняясь злу.

Трёх человек Руслан видел впервые. Остальные же пятеро были ему знакомы. Однако и для тех и для других следовало ещё раз напомнить программу, по которой предполагается совершение духовной революции.

– Очевидно, – сообщил проповедник собравшимся. – Распространение среди населения нашего учения – это приоритетная задача. Основные постулаты, на которых держится религия предков, сильно извращены. Разъяснить людям истину, помочь им прийти к вере – это главное.

Пришедшие первый раз внимательно слушали, а мужчина продолжал:

– Нас мало, и мы гонимы. С каждым разом всё сложнее выполнять поставленные задачи. Нас убивают за веру, за то, что она идёт вразрез с идеологией, насаждаемой Императо-

ром и Мендацианом. Благодаря научно-техническому прогрессу нам легче информировать людей и распространять неискажённые законы. Это с одной стороны. Но с другой – именно из-за этого нас проще обнаружить. Поэтому очень не хватает специалистов в области программирования. Есть люди в городах, готовые помогать не потому, что они согласны с нашими основными постулатами, а просто за большие деньги. Поэтому финансовая составляющая также немаловажна, как и идеологическая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.